

Кирсанова и пользуются его взаимностью и обе настаивают на том, чтобы иметь собственные отдельные комнаты.

Будучи сначала проституткой, Настя, под влиянием Кирсанова и с помощью одолженных у него денег, выкупается у своей мадам на свободу и снимает отдельную комнату. В ней она продолжает заниматься своей древнейшей профессией -- с той, однако, разницей, что теперь она обслуживает лишь «человек пять» любимых клиентов («я к ним ко всем имела расположение»). Такой образ жизни для нее – «отдых»; она бросает пить и становится милой, здоровой, аккуратной, скромной женщиной. Далее она начинает жить с Кирсановым, расстается с ним (из-за туберкулеза), живет в (отдельной комнате кооперативной коммуналки, снова сходится с Кирсановым (на сей раз руководствующимся состраданием) и умирает от туберкулеза.

Особого внимания заслуживает тот промежуточный этап между блядством и искуплением, когда Настя наслаждается преимуществами многомужества, о котором Вера Павловна могла только мечтать; напрямую оно провозглашается у Чернышевского лишь много позднее, да и то лишь в самой осторожной форме -- в пьесе «Другим нельзя». Двойничество Насти с Верой Павловной хорошо согласуется также с той аурой падшей женщины, которая окружала прототип Веры Павловны -- Ольгу Сократовну и в значительной мере толкнула Н. Г. на искупительный брак с ней.

[12] Противоречие между программной установкой ЧД на идеи равноправия и фактическим жилищным неравенством его персонажей отмечено Кэтрин Портер в ее предисловии к английскому переводу романа в ардисовском издании (*Чернышевский 1986*: хуі) Проблема «элитарности» у Чернышевского затрагивается также Майклом Кэтцем в предисловии к его собственному, новому переводу романа (*Чернышевский 1989*: 20).

[13] Среди прочих интересны параллели с Зоценко. Набоков уже указал на некоторые зоценковские неграмматичности в тексте ЧД, а Паперно обратила внимание на характерную для Чернышевского «альтернативность» повествования (рассказчик часто предъявляет читателю в качестве равноправных несколько возможностей развития сюжета) -- прием, типичный и для полупародийного сказа Зоценко (*Щеглов 1986*: 73-74).

*

По изданию: Жолковский Александр. Инвенции. М.: Гендальф, 1995. С. 18–31.

На сайте Александра Жолковского: <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib201.htm>

©[Alexander Zholkovsky](http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib201.htm)